

**ЦЫПЛЕНОК
ТОЖЕ ХОЧЕТ
ЖИТЬ**

Жизнь Анастасии Михайловны Спиридоновой была такой же, как у многих женщин. Детство ее было безмятежным и вполне счастливым. Мать воспитывала ее дома в заботе и любви, потому что они были друг у друга единственными родными людьми. Настя очень любила животных, постоянно тащила домой бездомных котят и раненых птиц. Мама, Мария Петровна, конечно, ругалась, но поделаться с увлечением дочери ничего не могла. Неудивительно, что после школы Настя изъявила желание пойти учиться на ветеринара. Мать объяснила дочери, что это несерьезно, посоветовала оставить любовь к животным только увлечением, а профессию выбрать солидную. Тем более, если живешь в городе, а не в деревне.

Настя, конечно, расстроилась, что пришлось распрощаться с мечтой детства, но она подчинилась воле матери и выучилась на экономиста. Однако без сюрпризов всё равно не обошлось. В день выдачи дипломов она вместе со своим избранником подала

заявление в ЗАГС, что оказалось для ее матери полным сюрпризом.

Звали жениха Рудольф Анатольевич, он работал заместителем директора коммерческого банка, название которого было у всех на слуху, и был на пятнадцать лет старше своей невесты. Познакомились они так. Рудольф Анатольевич часто заходил к своему бывшему преподавателю, доктору экономических наук, за небольшую денежку тот давал ему кое-какие профессиональные советы. Профессор был деканом экономического факультета университета, где учились молоденькие, красивые студенточки, там-то Рудольф Анатольевич и положил глаз на Настю.

Настя была весьма привлекательной девушкой. Невысокая, худенькая, с темными шелковистыми волосами до пояса и выразительными зелеными глазами. Познакомившись с Настей, Рудольф сразу же понял, что у девушки легкий, покладистый характер, да и вырастила ее мать хорошей хозяйкой. В отличие от многих современных девиц Настя без разговоров убирала квартиру, прекрасно готовила и даже умела шить, вязать и плести кружева. Как говорится — на все руки мастерица. Это ей передалось от матери, та тоже часто вязала, тем самым успокаивая нервы.

Рудольф Анатольевич быстро взял в оборот молоденькую неопытную девчонку и вскружил ей голову. Он катал ее на дорогой машине, кормил в дорогих ресторанах, водил на экскурсии и читал стихи.

Настя даже не успела разобраться в своих чувствах, как он быстро сделал ей предложение, за которым стремительно последовала свадьба. Всё получилось скомкано, молниеносно.

Мария Петровна, конечно, поделилась с зятем своими опасениями:

— Девочка совсем молоденькая, вы, Рудольф, значительно ее старше, опытнее. Настенька только окончила институт, между прочим, с красным дипломом, ей не замуж надо, а о карьере подумать.

Зять успокоил тещу, сказал, что и сам хотел бы, чтобы Настя нашла себя в профессии. Знающие экономисты везде требуются, он может легко устроить свою жену к себе в банк.

Мать Насти немного успокоилась, но всё равно считала, что дочка погорячилась, выскочив так рано замуж. Не о таком зяте она мечтала, боялась, что тот легко сломает ее под себя, испортит ей жизнь. То ли дело ровесник — общие знакомые, интересы. Вместе бы строили семейную жизнь, ошибались, ссорились, мирились, радовались. А здесь «папик» нашел себе глупенькую девочку и ждёт, что она будет ему в рот смотреть и жить по его указке. А как иначе? Он уже сложившийся человек со своими взглядами и привычками, а Настя — чистый лист, пиши, что хочешь.

Сразу же после свадьбы Рудольф увез Настю в свой загородный дом. Как он говорил — дворец. Правда, на дворец дом был мало похож, скорее на каземат. Сплошной высокий забор надежно охра-

нял участок от чужих любопытных взглядов. Участок был неухоженный, заваленный каким-то мусором, бревнами, ржавыми бочками, в которых скапливалась дождевая вода.

Настя с осторожностью переступила порог дома, в котором ей предстояло жить. Целая анфилада комнат, но почти нет мебели — неуютно, стыло, некрасиво. В одной комнате даже не было занавесок.

Первое время Рудольф был с женой очень даже мил. Много шутил, купил несколько мебельных гарнитуров, дал денег для украшения и уюта комнат. Настя целыми днями хлопотала по хозяйству — мыла, стирала, готовила, убирала, разбила перед домом цветник, посадила на грядках зелень, огурцы, в парнике выращивала помидоры и баклажаны. Муж очень поощрял ее в занятии хозяйством, но об устройстве на работу даже не намекал. Его всё устраивало — бесплатная домашняя работница создавала ему так любимый им домашний комфорт, всё то, о чем он мечтал, выбирая себе жену.

Шло время, и отношение Рудольфа к жене стало меняться. Он уже не боялся обидеть ее недобрим словом, капризничал, привередничал, ворчал, как старый дед, по каждому пустяку. Настя из кожи вон лезла, пытаясь ему угодить, но это было практически невозможно, потому что она его раздражала только одним своим присутствием.

Утром Рудольф уезжал на работу, обедал в ресторане, а вечером возвращался домой «под парами», да еще привозил кучу гостей. Предупредить жену

о том, что вечером будут гости, он, как правило, не удосуживался. Настя всегда должна была быть готова к приему, как солдат на посту, промаха ей не прощалось. Если же гости были званы по поводу какого-нибудь праздника, то ей приходилось крутиться как белке в колесе, готовя различные разносолы и кушанья, — муж принимал гостей по первому разряду.

Рудольф Настю почти не замечал, только — по-дай-принеси. А однажды он поднял на нее руку. Лиха беда начало — он стал делать это регулярно. Настя стала ходить с синяками и боялась мужа, как вампира.

Тёшу Рудольф не выносил и в один не очень прекрасный день отказал ей от дома.

— Мне надоели визиты твоей матери, — сказал он Насте, после того как она накормила его ужином. — Я не хочу, чтобы она появлялась у меня в доме.

Настя подняла на него глаза, она как раз собирала грязную посуду со стола.

— Почему, Рудольф? Что не так?

— Да всё не так! — заорал он и стукнул волосатым кулаком по столу с такой силой, что подлетела и звякнула чашка. — Нечего ей у нас делать. Пусть дома сидит. Она мне действует на нервы!

Настя заплакала. Тихо и незаметно, чтобы еще больше не разозлить домашнего тирана. Мать для нее была единственной отдушиной, с кем она могла поделиться своими горестями, подруг Рудольф даже

на порог не пускал. Настя разговаривала с ними только по телефону, когда его не было дома.

Анастасия ждала ребенка. Беременность протекала тяжело, ее мучили токсикоз и головокружения. Она очень надеялась, что мать поможет ей после родов, но муж сломал ее планы, и она теперь не знала, что делать.

Мария Петровна давно ожидала отлучения от дома дочери — зять теперь часто был с ней необоснованно груб и невнимателен, словно она — пустое место, а не мать жены. Но что делать, чем помочь дочери она не представляла. Жизнь Насти казалась ей сплошным мучительным кошмаром. Она сама перестала спать по ночам, пила таблетки от давления и бессонницы, мучилась головными болями.

У них остались только телефонные разговоры. Когда Рудольф засыпал, мать и дочь отводили душу.

— Как ты, мое солнышко? — спрашивала Мария Петровна.

— Да всё нормально, мамочка.

— Как чувствуешь себя?

— Сегодня ходила на УЗИ. У нас будет мальчик!

— Господи, какое счастье! А как Рудольф?

— Рудик очень хотел сына. Надеюсь, он обрадуется.

— А ты ему еще не сказала?

— Утром скажу. Вечером он был не в форме.

Мать расстроилась:

— Опять пьяный пришел?

— Да, еле до дома дотащился. Но я уже привыкла...

— Доченька, береги себя и малыша. Тебе теперь нельзя волноваться. Больше спи и постарайся не нервничать.

Настя вздохнула:

— Я стараюсь... Только плохо получается...

Мать пригрозила:

— Если он снова начнет тебя обижать, я к его начальству пойду, пусть ему хвост прищемят!

Дочь испугалась:

— Нет-нет, мамочка! Всё хорошо! Никуда не ходи, и не буди в нем зверя. Ведь он бросит меня с ребенком, что я буду делать? — И Настя заплакала.

Мать заволновалась:

— Не плачь, тебе нельзя! Никуда я не пойду, не волнуйся. Успокойся и ложись спать, моя дорогая. Жизнь — штука интересная, никогда не знаешь, куда вывезет...

***

Рудольф назвал первенца Анатолием в честь своего отца. Он даже не спросил у жены, какое она выбрала имя для мальчика. Анатолий — и точка.

Он отмечал это радостное событие на работе, отмечал с друзьями, фактически не появляясь дома. Настя наслаждалась сыном, но оставалась абсолютно одна. В их доме так и не появились ни помощница, ни няня. Сам муж контролировал каждую мелочь. Именно после рождения сына и подарка

в виде кольца с бриллиантом в два карата, он снова поднял на нее руку. Очень умело, чтобы не причинить серьезного вреда, но, чтобы максимально унижить. Рудольф отхлестал свою молодую жену по щекам, а потом грубо взял ее, так и оставив лежать уткнувшуюся в подушку. После этого Рудольф исчез из дома на неделю, а вернулся с подарком для Насти — золотой цепочкой, на которой висел кулон с рубином и бриллиантками.

— Ну, ладно, малышка. Извини! Сорвался! Не знаю, что на меня нашло. Этого не повторится! Я люблю тебя, моя птичка! — обнимал жену Рудольф Анатольевич.

Буквально на следующий же день их примирение закончилось очередным рукоприкладством. Дело в том, что после всех событий у Насти пропало молоко, и она не смогла кормить Толика. Тот остался голодным и орал все утро как резаный. Рудольф Анатольевич просто озверел, и все шишки посыпались на жену. Ей было высказано всё. Что она тряпка, и что лечиться надо, и что нервы у нее ни к черту. А теперь вот должен страдать его ребенок. Потому что Настя — никчёмная мать!

Ребенок был быстро переведен на искусственное вскармливание, но скандалы дома не прекратились. Мальчик рос болезненным, Настя день и ночь не отходила от малыша, прислушивалась к его дыханию, следила за каждым движением. Спали они в разных комнатах. По щелчку мужа Настя должна была являться к нему в постель, но заснуть на груди мужа

она не имела права, чтобы не мешать Рудикю. Насте нужно было прекрасно выглядеть перед его деловыми партнерами и гостями. Не дай бог выйти с измученным видом или уставшей, не так посмотреть, не так ответить. Страх, одиночество и полная зависимость вконец измучили Анастасию, она попала в ловушку и не знала, как ей жить дальше. Мария Петровна, как могла, помогала дочери. Она тайком приходила к дочери в первой половине дня, чтобы помянчиться с Толей. Но это продолжалось недолго. Оказывается, в доме были установлены камеры, о которых Рудольф даже не сообщил жене. Он очень быстро узнал о визитах тёщи и устроил жене разнос.

— Пусть твоя мать сидит у себя дома. В следующий раз ей просто не откроют въезд в поселок, — холодно сказал он Насте за завтраком.

— Она же помогает мне с Толиком! Я устала, у меня руки отваливаются! Я замучилась.

— Мне всё равно. — Рудольф положил кусочек сахара в кофе и зазвенел ложечкой. — Воспитанием должны заниматься родители, в частности, ты, а когда сын подрастет, я сам возьмусь за его воспитание. Но никаких бабок здесь не будет, так и скажи своей матери. Я ей своего сына не доверяю.

Настя ушла в свою комнату и зарыдала. Она не видела выхода, и порой ей просто хотелось удариться.

Рудольф словно почувствовал ее настрой и с садистским удовольствием продолжил мучение. Он

запретил ей разговаривать по телефону с матерью и подругами, и ей удавалось делать это только тайком. Однажды она не выдержала, взяла такси и отправилась к матери. Когда она вернулась, Рудольф избил ее. Он лупил ее что было силы и приговаривал:

— Никогда! Слышишь, никогда! Ты не смеешь трогать моего сына и увозить из дома, не согласовав со мной. Ты — женщина, твое дело сидеть с ребенком, а не самовольничать! Еще раз сделаешь что-нибудь подобное, изуродую, как бог черепаху!

Настя ушла в себя, она жила словно на автомате, жизнь превратилась для нее в сплошные беспроядные сумерки.

Когда Толе исполнилось три года, Настя попыталась поговорить с мужем, чтобы определить его в детский садик, а самой выйти на работу. Она так мечтала об этом! Рудольф только засмеялся ей в лицо.

— Ты бредишь? Какая работа? Твое дело заниматься домом и ребенком. Что вы, бабы, так стремитесь работать? Чего тебе не хватает? Я тебя пою, кормлю, одеваю, обуваю — живи и радуйся! Да и что ты за мать такая? Такого маленького ребенка хочешь сбегать в детский сад! А сама наденешь костюмчик и поцокаешь каблучками в офис, в банк, строить глазки клиентам и сотрудникам?

— Что ты говоришь? Я никому не строю глазки!

— Конечно! Потому что ты сидишь дома и не видишь богатых молодых мужиков! Бабы все слабы на

передок. А я уберегу тебя от этого. Моя жена должна принадлежать только мне.

У Насти не осталось подруг, не было знакомых. Выбираться в город она могла только в магазин, и то не так часто, и за каждую позицию в чеке она должна была нести ответ. Один раз Рудольф швырнул ей в голову банку со сметаной, потому что она оказалась просроченной.

— Ну, что? Банковская работница! Ты даже число на упаковке не можешь проверить, бестолочь! А это, между прочим, мои деньги, я их зарабатываю для семьи. А ты не знаешь, что такое зарабатывать, и так бездумно швыряешься ими! Я буду тебя наказывать! Отнимать за каждый проступок по украшению, что я дарил, когда ты была хорошей девочкой.

Понятно, что с таким отношением и методами воздействия Анастасия вскоре осталась ни с чем.

Когда Толик пошел в первый класс частной школы поселка, Настя поняла, что снова беременна. И она даже не знала, радоваться ей или нет. Она уже ничего не хотела. Странно, что она вообще забеременела. Рудольф крайне редко приглашал ее в свою спальню, да и она не спешила к нему. Он мог позволить себе не прийти ночевать, отдыхал без семьи. Настя знала, что он ей изменяет направо и налево. Чем старше становился Рудольф, тем моложе становились его любовницы. Внешность и должность у него были представительными, язык подвешен. Когда-то и она сама попала на эту удочку. Только она заняла самое неприглядное место рядом

